

К.В. Трояновский

ВОПРОС О СОСЛОВНОМ СТАТУСЕ МЕЛКОЙ ШЛЯХТЫ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Рассмотрена государственная политика России в отношении беспоместной шляхты бывших польских территорий. Основное внимание уделено ее сословному аспекту. Отождествление шляхты с дворянством стало главной причиной проведения властями затянувшихся на десятки лет мероприятий по «разбору» шляхты, которые были направлены на исключение «недворянских» элементов. Более гибкий подход к определению места шляхты в социальной иерархии империи правительство продемонстрировало в 1829–1830 гг., когда разрабатывался проект, предусматривавший ее институализацию как отдельного привилегированного сословия со своим правовым статусом. После Ноябрьского восстания (1830–1831) в Польше российские власти не сочли возможным ради реорганизации шляхты изменять общеимперскую социальную структуру. Указом от 19 октября 1831 г. было введено новое сословие – однодворцев и граждан западных губерний. По замыслу властей это должно было стать главным средством интеграции безземельной шляхты в общественную структуру Российской империи.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ; ЗАПАДНЫЕ ГУБЕРНИИ; СОСЛОВИЯ; ШЛЯХТА; ДВОРЯНСТВО; ЗАПАДНЫЕ ОДНОДВОРЦЫ.

В результате разделов Речи Посполитой в 1772–1795 гг. Российская империя получила более половины ее территории с многомиллионным населением. Характерной особенностью исчезнувшего польско-литовского государства была многочисленность его высшего сословия – шляхты. По принятым в современной польской историографии оценкам, в середине XVIII в. речьпосполитское дворянство составляло 8–10 % населения [1, с. 4]. Итоги первой ревизии, проведенной российскими властями в 1795–1796 гг. на вновь присоединенных территориях, показали, что шляхта насчитывает свыше 250 тыс. «душ мужеска пола» [2, с. 158, 163, 164].

Старопольское дворянство представляло собой конгломерат различных по своему имущественному положению социальных групп. Значительное большинство дворян Речи Посполитой, превратившихся в подданных российского монарха, принадлежали к мелкой шляхте. Современники подразделяли ее на несколько категорий. «Чиншевая» шляхта по договоренности с помещиками владела небольшими уча-

стками земли, которые обрабатывала своими руками, платя своеобразную ренту в виде чинша¹. «Околичные» шляхтичи, жившие в обособленных поселениях, как правило, также сами трудились на земле, которая принадлежала им на праве собственности. К «служебной» шляхте причисляли всех шляхтичей, служивших по найму в помещичьих имениях, начиная от управителей имений и экономов и заканчивая камердинерами, поварами, конюхами и т. п.

С момента проведения общероссийской ревизии 1795 г. власти империи выделяли в бывшем привилегированном сословии Речи Посполитой особые социальные группы, не

¹Чинш (*польск.* Czynsz) – денежная сумма, ежегодно выплачиваемая нанимателем земли ее собственнику. Размер чинша устанавливался при заключении соглашения о передаче земли в чиншевое владение на весь срок его действия. Соглашение между чиншевиком и собственником земли могло быть как срочным, так и бессрочным. В последнем случае чиншевый участок земли мог переходить по наследству или быть уступлен третьему лицу.

владевшие крепостными. Они были зафиксированы в ревизских ведомостях под своими традиционными наименованиями — «чиншевая», «околичная» и «неоседлая» шляхта [3].

Высокая численность шляхетского сословия в западных областях империи во многом определила осторожное отношение властей к этой общественной группе. Во время правления Павла I и Александра I центральное правительство придерживалось в отношении старопольского дворянства политики статус-кво. До Ноябрьского восстания (1830–1831) в Польше в Западном крае существовала многочисленная региональная группа, пользовавшаяся привилегиями дворянства империи без получения формального признания своего «благородного» статуса со стороны Герольдии. Будучи политической элитой польско-литовского государства, шляхта, оказавшись под юрисдикцией российского монарха, продолжала считать себя высшим сословием и не находила нужным получать на это санкцию новых властей. В первые два десятилетия XIX в. слово «шляхта» приобрело у российских чиновников специфическое значение: в административных кругах империи под шляхтой стали понимать не всё высшее сословие исчезнувшей Речи Посполитой, а только ее малоимущую часть, которая собственным трудом зарабатывала средства для жизни.

Изучение истории дворянства (в том числе и мелкой шляхты), оказавшегося по итогам разделов польско-литовского государства в пределах Российской империи, занимает важное место в современной историографии Белоруссии, Литвы, Польши, Украины². Однако историки не уделяют достаточного внимания изучению сословного аспекта политики имперской России в отношении беспоместного нобилитета бывших польских областей³. В то же время в российской и зарубежной историографии интерес к истории сословий в XVIII – начале XX в. растет, о чем свидетельствует появление новых работ по широкому кругу сословной

проблематики⁴. Цель настоящей статьи – рассмотреть, как разрабатывались и реализовывались правительственные меры в отношении шляхты бывших польских территорий в первой половине XIX в.

Практически сразу же после завершения разделов Речи Посполитой перед российским правительством встал вопрос об определении места беспоместной шляхты в сословной иерархии империи. Прежде в России слово «шляхта» воспринималось как синоним «дворянства». Однако уже во время проведения ревизии 1795 г. у властей возникли сомнения в том, можно ли земледельцев, называющих себя шляхтичами, безоговорочно признавать дворянами. По инициативе фискального ведомства Сенат 25 сентября 1800 г. предписал «чиншевой, околичной и другого звания» шляхте представить в двухгодичный срок доказательство своего «благородного» происхождения [8, л. 33–39]. Еще в 1795 г. Екатерина II разрешила беспоместным шляхтичам вновь присоединенных территорий доказывать свое «благородство», приняв в руководство Жалованную грамоту дворянству 1785 г. [9, с. 694–695]. В связи с этим представляемые шляхтичами документы должны были соответствовать требованиям Грамоты. В ней перечислялись 15 основных видов доказательств дворянства, которые должны были подтверждать одно или несколько главных условий для утверждения в «благородном» достоинстве: монаршее пожалование дворянства просителям или их предкам, получение права на это звание за заслуги на государственной службе или владение именьями с крепостными крестьянами [10, с. 354–355]. Такие требования, а также нежелание властей принимать во внимание отличия польской концепции «благородства» от российской имели серьезные последствия для дальнейшей судьбы шляхты в Российской империи.

В отличие от России, где дворянство имело служилый характер и ассоциировалось с владением поместьями и крепостными, в Польше «шляхетство... понималось всегда как качество крови, а не как имущественное положение лица, и передавалось от отца детям без всяко-

² Литературу по этой проблематике см.: 4, с. 943–970.

³ В советской и российской историографии существует только одна обзорная статья на эту тему [См.: 5].

⁴ Новейшую подробную библиографию по сословной истории России см.: 6, с. 261–273; 7, с. 85–86, 231–232, 325–327, 515–516, 547–548.

го отношения к имуществу» [11, с. 322–323, прим. 61; 12, с. 15]. У многих представителей бедной шляхты необходимых доказательств на руках не было, так как в Речи Посполитой не существовало центрального государственного органа, занимавшегося документированием дворянского статуса. Беспоместные шляхтичи редко имели дело с судами, где при совершении сделок с недвижимостью в документах фиксировался сословный статус. Принадлежность к дворянству санкционировалась главным образом общественным мнением. Дворянином считался тот, кого признавали таковым в местном сообществе.

Срок подачи документов для «легитимации»⁵ неоднократно продлевался под предлогом того, что документы многих шляхтичей находились на бывших польских территориях, отошедших к Австрии и Пруссии. К 1830 г. у российских властей не было достоверной информации о количестве шляхты, доказавшей дворянство в губернских дворянских собраниях Западного края, а принимаемые в отношении мелкой шляхты меры ограничивались лишь попытками точного учета с целью недопущения в ее ряды «самозванцев». Так, в 1811 г. при проведении ревизии киевские губернские власти обнаружили на Киевщине большое количество «неизвестных людей», записавшихся в ревизских ведомостях как шляхтичи. В ходе расследования чиновники пришли к выводу, что эти люди не имеют никакого отношения к шляхте, а являются мещанами, крестьянами, дворовыми людьми, беглыми солдатами из литовских и белорусских губерний. Ввиду этого киевская администрация обратилась в Петербург с инициативой провести проверку всей мелкой шляхты. Инициатива была одобрена, и в ходе 7-й ревизии 1816 г. на губернские комиссии по приему ревизских сказок была возложена обязанность сличить вновь подаваемые шляхтой сказки с ревизскими реестрами 1795 г. Тех из шляхтичей, кто не был записан в этом качестве по ревизии 1795 г. или же не имел доказательств о своем происхождении, надлежало включить в особые списки, которые позднее должны были рассматриваться в Сенате [13, с. 465–467]. Этот

«разбор» затянулся вплоть до 1830 г., но так и не был закончен.

На протяжении 1800–1820-х гг. наряду с рассортировкой шляхты на «настоящих» дворян и «самозванцев» в правящих кругах периодически возникали проекты по ее преобразованию в новое, «полезное» для государства сословие. Преобладала идея формирования из шляхты полков легкой кавалерии и предоставления ей в пользование казенных земель за умеренную плату. В 1807–1808 гг. в Государственном совете обсуждался план формирования из мелкой шляхты конных полков [14, стлб. 744–747]. Подобные предложения поступали от отдельных губернаторов западных окраин и позднее [15]. Однако все эти проекты после недолгого обсуждения неизменно оказывались в архивах министерств или Сената.

С восшествием на престол Николая I возобновилась разработка проектов по административно-правовой интеграции мелкой шляхты в социальную структуру империи. Проблема определения сословного статуса малоимущей шляхты оказалась тесно связанной с желанием молодого императора навести порядок в господствующем сословии империи, исключив из него «недворянские» элементы. Для этих целей в 1828 г. при Сенате был учрежден особый комитет «для начертания правил о производстве ревизии действий дворянских депутатских собраний и положительного определения дворянских родов» [16, л. 48–49]. На основе этих «правил» в 1834 г. началась ревизия деятельности губернских дворянских собраний в масштабе всей империи (за исключением закавказских губерний). Шляхетский вопрос оказывал влияние на формирование правительственной политики в отношении всего дворянства империи.

В июне 1829 г. царь распорядился об учреждении комиссии «для составления Положения о шляхте, находящейся в присоединенных от Польши губерниях» [17, с. 445]. Разработанный чиновниками среднего звена трех министерств – военного, финансов и внутренних дел – проект «Положения» предусматривал институализацию мелкой шляхты как особого привилегированного сословия в Западном крае. Шляхта официально сохраняла за собой свое наименование, а с ним и общественный престиж, связанный со статусом высшего сословия Речи Посполитой. Даже после начала

⁵ В западных губерниях процесс доказывания шляхтичами своего «благородного» происхождения.

в Польше Ноябрьского восстания (1830–1831) работа над проектом «Положения» продолжалась. К середине 1831 г. он находился только на первой стадии доработки – нормы «Положения» согласовывались на министерском уровне, после чего оно должно было поступить на обсуждение в Сенат. Вера Николая I в «перекровку» нерусского населения при помощи государственной службы нашла свое выражение в том, что главной целью проекта было создание условий для выполнения всеми достигшими совершеннолетия шляхтичами воинской повинности. Для этого разрабатывалась особая система их призыва на 8-летнюю службу в уланских и других кавалерийских полках. Фискальный интерес для властей оставался на заднем плане: лишь для небольшой части мелкой шляхты устанавливался специальный денежный налог [18].

Если до ноября 1830 г. шляхетский вопрос имел для российских властей главным образом сословно-правовой аспект, то с началом восстания в Польше он приобрел также отчетливо политический характер. Это и предопределило появление программы ограничительных в отношении шляхты мер, санкционированных указом от 19 октября 1831 г. Принципиально другой уровень значимости для верховной власти этого вопроса отразился в том факте, что октябрьский указ был подготовлен в Комитете по делам западных губерний – высшем правительственном органе, специально созданном для разработки законодательства и формирования политики империи в Западном крае.

Восстание 1830–1831 гг. в Польше перекрестило планы самодержавия по созданию из беспоместной шляхты особого полупривилегированного сословия с сохранением его традиционного наименования. В 1831 г. центральная власть взяла целенаправленный курс на деполонизацию западных губерний, что сразу же сказалось на судьбах речьпосполитского дворянства. 19 октября 1831 г. Николай I подписал указ о создании из мелкой шляхты нового сословия однодворцев и граждан западных губерний. Целью указа была юридическая ликвидация шляхты как бывшего привилегированного сословия Речи Посполитой, пользовавшегося де-факто правами дворянства Российской империи. Согласно указу, устанавливалось «определяющее раз-

личие между действительными шляхтичами, т. е. доказавшими установленным порядком свое достоинство и признанными в оном Герольдиею, и лицами, именующимися шляхтою без утверждения присваемого себе достоинства законными доказательствами» [19, с. 134–138]. Первые, как настоящие дворяне, продолжали пользоваться своими сословными правами в полном объеме, а последние должны были составить новое сословие, получив в зависимости от места жительства соответствующее наименование: сельские жители теперь назывались однодворцами, жители городов – гражданами (с прибавлением названия той губернии, где они проживают). В ходе «разбора» 1831–1834 гг. беспоместные шляхтичи были юридически отделены от шляхтичей-посессионатов, владевших поместьями и крепостными.

Введение сословия западных однодворцев и граждан совпало по времени с юридическим оформлением социальной структуры империи. Сложившаяся к этому моменту четырехчастная модель организации общества, состоявшего из дворян, духовенства, городских и сельских обывателей, была закреплена в 1832 г. с изданием IX тома Свода законов Российской империи «О состояниях» [20, с. 80; 21]. Поскольку центральная власть перестала молчаливо признавать за всеми мелкими шляхтичами де-факто дворянский статус, в сословной иерархии империи для тех из них, кто не мог доказать дворянства, оставалось место лишь в широкой категории сельских и городских обывателей.

Смысл указа 1831 г., исключавшего из официального пространства власти в западных губерниях употребление слова «шляхта» и его производных, заключался прежде всего в символическом дистанцировании российского самодержавия от высшего сословия польско-литовского государства. Все шляхтичи, утвержденные Герольдией, должны были впредь именоваться «дворянами», а само слово «шляхта» отныне исключалось из публичных и судебных актов, издаваемых на русском языке. Власти выдвинули шляхте требования, в соответствии с которыми имелись лишь два варианта определения ее будущего социального статуса: либо путем получения статуса дворян империи (при условии утверждения их в дворянстве Герольдией), либо путем записи в однодворцы или другие

податные сословия⁶. Допускавшееся властями до 1831 г. существование в западных губерниях шляхты как де-факто дворянского сословия отныне исключалось.

Имея основные признаки податного сословия, новая административно-правовая категория приобретала и определенные привилегии: вместо подушной подати западные однодворцы и граждане облагались подымным сбором, т. е. налогом с домохозяйства; в отношении же рекрутской повинности срок их службы составлял 15 лет вместо 25, предусмотренных для крестьян и мещан.

По замыслу властей вновь созданное сословие однодворцев и граждан западных губерний должно было стать своеобразным резервуаром для всей шляхты, которая не получит утверждения в дворянстве. Процесс рассмотрения шляхетских доказательств Герольдией и подведомственными ей учреждениями затянулся на несколько десятков лет. Бывшее привилегированное сословие Польши оказалось юридически разделенным на три большие группы: 1) лиц, утвержденных центральными органами власти в российском дворянстве; 2) лиц, подавших документы в Герольдию (или собирающих дополнительные документы) и ожидающих ее окончательного решения (эта категория до 1865 г. пользовалась отсрочкой от записи в податные сословия); 3) граждан и однодворцев западных губерний⁷.

Кризис доверия имперских властей к дворянским собраниям западных губерний повлек за собой масштабную проверку их резолюций по признанию шляхетских родов во дворянстве. В 1840-х гг. в Киеве и Вильне работали специальные ревизионные комиссии, которые признали неправильно внесенными в губернские дворянские книги свыше 157 тыс. лиц [23, л. 235 об.—236; 24, л. 35—36]. Для сохранения своих сословных привилегий польские помещики были вынуждены доказывать свое «благородное» происхождение в Петербурге. Таким образом, власти стремились продемонстрировать, что источником легитимности владения поместьями и крепостными в западных губерниях яв-

ляется исключительно российская монархия, а не право и традиция Речи Посполитой. Большое количество не утвержденных в российском дворянстве беспоместных шляхтичей подрывало авторитет шляхты в Западном крае.

«Разборы» шляхты, а также других высших сословий окраин поставили перед центральной властью два важных вопроса: о границах дворянского сословия и о его характере как господствующей элиты империи. Помимо того, что высшее сословие России постоянно расширялось за счет выслуживших чины или награжденных орденами военных и чиновников, присоединение к империи новых территорий поставило острые вопросы о правах и привилегиях региональных элит, о возможности уравнивания их статуса с имперским дворянством. Вероятно, Николаем I ставилась задача унификации высших сословий национальных окраин по общеимперскому образцу с целью создания лояльной престолу гомогенной элиты, служащей скрепами различных частей империи. Вместе с тем проблемы интеграции и определения сословного статуса окраинных элит повлияли на эволюцию дворянского сословия в России [25, с. 398—399]. Изучая проблему признания правительством крымских мурз в качестве дворян, К. О'Нилл сделал вывод, что в ходе рассмотрения их прав происходило переосмысление значения самого российского дворянства. Ревизия определений Таврического дворянского собрания о признании в дворянстве и решения Сената 1830—1840-х гг., ограничившие доступ в ряды «благородного» сословия, превратили дворянство из инструмента потенциальной интеграции в монолитный институт.

Господствовавшее в административно-бюрократическом пространстве видение общества состоящим из сословий во многом влияло на формирование политического курса в отношении мелкой шляхты. Сословная концептуализация социума обусловила появление проектов по преобразованию шляхетской массы и меры в отношении лиц, не включенных в сословие однодворцев и граждан. Сословие было тем институтом управления, который обеспечивал «гласность», т. е. известность [См.: 26, с. 364], каждого подданного для государства. Как административно-правовой институт оно ставило ограничения и во многом структурировало действия имперских властей в отношении мел-

⁶ По подсчетам Д. Бовуа, в 1831—1853 гг. в Волынской, Киевской и Подольской губерниях было «декласировано» более 340 тыс. шляхтичей [См.: 4, с. 410].

⁷ Ср.: 22, с. 11.

кой шляхты. Так, разрешив указом от 19 октября 1831 г. шляхтичам, признанным губернскими собраниями дворянами, временно пользоваться старыми привилегиями, правительство невольно создало юридическое препятствие для их приписки во время «разбора» в граждане и однодворцы.

Введение нового сословия — однодворцев и граждан западных губерний, регистрация не доказавших своего дворянства шляхтичей в податных обществах крестьян, мещан и западных однодворцев (до 1847 г.) виделись

властям главным средством интеграции безземельной шляхты в общественно-государственную структуру империи. Представляется, что в этот период правительство и власти западных пограничных губерний не причисляли безоговорочно мелкую шляхту к польскому народу. В донациональную эпоху имперские чиновники воспринимали беспоместную шляхту скорее как сословную группу и руководствовались при разработке и реализации политического курса в ее отношении главным образом сословными категориями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Rostworowski E. *Ilu było w Rzeczypospolitej obywateli szlachty?* // *Kwartalnik Historyczny, rocznik XCIV*. 1988. No. 3. S. 3–39.
2. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782–1858 гг. // *История СССР*. 1971. № 4. С. 153–169.
3. Национальный исторический архив Белоруссии. Ф. 333. Оп. 9. Д. 1, 3, 7 и др.
4. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / пер. с фр. М.А. Крисань. М.: Нов. лит. обозр., 2011. 1008 с.
5. Неупокоев В.И. Преобразование беспоместной шляхты в Литве в податное сословие однодворцев и граждан (вторая треть XIX в.) // *Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.* Т. VI. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1974. С. 8–22.
6. Smith A.K. *For the Common Good and Their Own Well-Being. Social Estates in Imperial Russia*. N. Y.: Oxford Univ. Press, 2014. 278 p.
7. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XIX века) М.: Нов. хронограф, 2010. 752 с.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Ч. I.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. В 45 т. Т. 23. № 17327. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Его Имп. Величества канц., 1830.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. В 45 т. Т. 22. № 16187. СПб., 1830.
11. Незабитовский В.А. Собрание сочинений. Киев: Изд. совета Университета Св. Владимира, 1884. 369 с.
12. Лисенко С., Чернецький Є. Правобережна шляхта: кінець XVIII – перша половина XX ст. Біла Церква: Видавець О.В. Пшонківський, 2007. 448 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. В 45 т. Т. 33. № 26108. СПб., 1830.
14. Архив Государственного совета. Т. 3. Ч. 1. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Его Имп. Величества канц., 1878.
15. Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 4а. 1812 г. Кн. 58. Д. 421.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 1149. Оп. 1. 1827 г. Д. 64.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг. В 55 т. Т. 4. № 2948. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Его Имп. Величества канц., 1830–1885.
18. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 5. 1830 г. Д. 648а.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг. В 55 т. Т. 6. Отд. 2. № 4869. СПб., 1830–1885.
20. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 548 с.
21. Freeze G.L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // *American Historical Rev.* 1986. Vol. 91, no. 1. Pp. 11–36.
22. Макарэвіч В.С. Дробная шляхта Беларусі ў 30–60-я гг. XIX ст.: склад і эвалюцыя сацыяльна-прававага становішча: аўтарэферат дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2009. 23 с.
23. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 58. Д. 567.
24. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 58. Д. 656.
25. O'Neill K. Rethinking Elite Integration: Crimean Murzas and The Evolution of Russian Nobility // *Cahiers du monde russe*. 2010. Т. 51. No. 2–3. Pp. 397–417.
26. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. «А–З». СПб.; М.: Изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. 723 с.

ТРОЯНОВСКИЙ Константин Вадимович — аспирант Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Россия, 198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 17

e-mail: troianowski@rambler.ru

K. V. Troyanowskiy

THE PROBLEM OF WESTERN PROVINCES PETTY NOBILITY'S POSITIONING IN SOCIAL HIERARCHY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

The article focuses on imperial policies towards petty nobility which after the partitions of Poland-Lithuania's Commonwealth became subjects of the Russian monarchs. Given that Russian imperial society was conceptualized as consisted of four broad social estates (sosloviia) nobility, clergy, urban and rural dwellers, the influence of social estate aspects on policies' formulation is investigated. Perception of szlachta social estate as an equivalent to the Russian nobility was the primary motive for a series of measures designed to sort out petty szlachta into "authentic" nobles and usurpers. Imperial administrators demonstrated more flexible approach in 1829–1830 when elaborating a project that institutionalised minor szlachta as a separate social estate with a privileged status. After the Polish insurrection of 1830–1831 Russian authorities abandoned the idea of adjusting soslovie estate structure of the empire to accommodate petty szlachta. A decree of 19 October 1831 established a new social estate of western odnodvortsy to accumulate szlachta whose noble status was not approved by the authorities. Devised as a semi-privileged status group it was seen by the Russian officials as a primary instrument to integrate petty szlachta into imperial social structures.

RUSSIAN EMPIRE; WESTERN PROVINCES; SOCIAL ESTATES (SOSLOVIYA); SHLYACHTA; NOBILITY; WESTERN ODNODVORTSY.

REFERENCES

1. Rostworowski E. Ilu było w Rzeczypospolitej obywateli szlachty? [What Was the Number of Szlachta Citizens in the Polish-Lithuanian Commonwealth?]. *Kwartalnik Historyczny*, rocznik XCIV, 1988, no. 3, pp. 3–39.
2. Kabuzan V.M., Troitskiy S.M. [Changes in the Number, Relative Weight and Geographical Distribution of the Nobility in Russia in 1782–1858]. *Istoriya SSSR*, 1971, no. 4, pp. 153–169. (In Russ.)
3. Natsional'nyy istoricheskiy arkhiv Belorussii. F. 333. Op. 9. D. 1, 3, 7.
4. Beauvois D. *Gordiyev uzel Rossiyskoy imperii: vlast', shlyachta i narod na Pravoberezhnoy Ukraine* [Gordian Knot of the Russian Empire: Power, Szlachta and the People at the Right-Bank Ukraine] (1793–1914). Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2011. 1008 p. (In Russ.)
5. Neupokoyev V.I. [Transformation of landless szlachta in Lithuania into a taxable social estate of odnodvortsy and grazhdane (the second trird of the 19th century)]. *Revolutsionnaya situatsiya v Rossii v 1859–1861 gg.* T. VI. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1974. Pp. 8–22. (In Russ.)
6. Smith A.K. *For the Common Good and Their Own Well-Being. Social Estates in Imperial Russia*. New York, Oxford Univ. Press, 2014. 278 p.

7. Ivanova N.A., Zheltova V.P. *Soslovnnoye obshchestvo Rossiyskoy imperii (XVIII – nachalo XIX veka)* [Social Estates' Society of the Russian Empire (18th – beginning of the 19th Century)]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2010. 752 p. (In Russ.)
8. [Russian State Historical Archive]. F. 1341. Op. 1. D. 346. Ch. I.
9. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye pervoye* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Pt. 1]. In 45 vol. Of vol. 23. No. 17327. St. Petersburg, Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii Publ., 1830. (In Russ.)
10. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye pervoye* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Pt. 1]. In 45 vol. Of vol. 22. No. 16187. St. Petersburg, 1830. (In Russ.)
11. Nezabitovskiy V.A. [Collection of Works]. Kiyev, Univ. Sv. Vladimira Publ., 1884. 369 p. (In Russ.)
12. Lisenko S., Chernetskiy Ye. *Pravoberezhnaya shlyakhta: kinets XVIII – persha polovina XX st.* [Right-Bank Szlachta: the End of the 18th – the First Half of the 19th Century]. Bila Tserkva, Vidavets O.V. Pshonkivskiy Publ., 2007. 448 p.
13. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye pervoye.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Pt. 1]. In 45 vol. Of vol. 33. No. 26108. St. Petersburg, 1830. (In Russ.)
14. *Arkhiv Gosudarstvennogo soveta* [Archive of the State Council]. Of vol. 3, pt. 1. St. Petersburg, Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1878. (In Russ.)
15. [Russian State Historical Archive]. F. 1284. Op. 4a. 1812 g. Kn. 58. D. 421.
16. [Russian State Historical Archive]. F. 1149. Op. 1. 1827 g. D. 64.
17. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye vtoroye* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Pt. 2]. In 55 vol. Of vol. 4. No. 2948. St. Petersburg, Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii Publ., 1830–1885. (In Russ.)
18. [Russian State Historical Archive]. F. 1286. Op. 5. 1830. D. 648a.
19. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye vtoroye* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Pt. 2]. In 55 vol. Of vol. 6. Otd. 2. No. 4869. St. Petersburg, 1830–1885. (In Russ.)
20. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social History of Russia in Imperial Period (the 18th – beginning of the 20th Century: A Genesis of Personality, Democratic Family, Civil Society and the Rechtsstaat]. In 2 vol. Of vol. 1. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1999. 548 p. (In Russ.)
21. Freeze G.L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History. *American Historical Rev.*, 1986, vol. 91, no. 1, pp. 11–36.
22. Makarevich V.S. *Drobnaya shlyakhta Belarusi u 30-60-ya gg. XIX st.: Sklad i evalyutsyya satsyyalna-pravavoga stanovishcha: autareferat dys. ... kand. gist. nauk* [Petty Nobility of Belarus in the Thirties-Sixties of the 19th Century: Composition and Evolution of Social-Legal Status. Abstr. cand. diss.]. Minsk, 2009. 23 p.
23. [Russian State Historical Archive]. F. 1343. Op. 58. D. 567.
24. [Russian State Historical Archive]. F. 1343. Op. 58. D. 656.
25. O'Neill K. Rethinking Elite Integration: Crimean Murzas and The Evolution of Russian Nobility. *Cahiers du monde russe*, 2010, vol. 51, no. 2–3, pp. 397–417.
26. Dahl' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Of vol. 1. "A–Z". St. Petersburg, Moscow, Izdalel'stvo knigoprodavtsa-tipografa M.O. Volfa Publ., 1880. 723 p. (In Russ.)

TROYANOWSKIY Konstantin V. – National Research University "Higher School of Economics".

Promyshlennaya ul., 17, St. Petersburg, 198099, Russia
e-mail: troianowski@rambler.ru